

Михаил ГАУЗНЕР

Ион Деген — воин, врач, поэт

В конце прошлого года, собирая материалы о ярких, разносторонне интересных людях нашего поколения, я нашёл в Интернете сведения о человеке, который меня поразил. Потом завязалась переписка, я больше узнал о нём и, в частности, о его одесских корнях. По моей просьбе он, отвечая на вопрос об этом, написал письмо, которое привожу полностью:

Дорогой Михаил!
Относительно моей связи с Одессой Вы правы. Это 1936 год. Мама со мной, исключённым из школы, переехала в Одессу из Могилёва-Подольского. В Одессу потому, что до замужества долгие годы жила в ней, работая фармацевтом. Жили мы на Греческой площади, 3/4, в круглом доме. Как уже написал, учился в 49-й школе. Учителя, кроме преподававшего рисование, меня возненавидели. Он полюбил. Говорили, что в Одессе, конечно, есть бандиты, но такого мы ещё не видели. Короче, я не привился. В школе. В Одессе, наоборот, очень. Вероятно, не было трамваев, на самых невероятных местах которых я бы не объездил весь город и окрестности. Из-за меня маме пришлось вернуться в Могилёв-Подольский. Несмотря на возненавиденную мной 49-ю школу, я влюбился в Одессу. И когда в студенческую пору, и потом, и перед самым отъездом в Израиль я приезжал в Одессу, это было подзарядкой моего аккумулятора.
Всего самого доброго и светлого!
Ваш Ион.

Очерк об этом уникальном человеке предлагаю вашему вниманию.

Во время войны очень многими людьми на фронте и в тылу передавалось устно и переписывалось такое стихотворение неизвестного автора:

*Мой товарищ, в смертельной агонии
Не зови понапрасну друзей.
Дай-ка лучше согрею ладони я
Над дымящейся кровью твоей.
Ты не плачь, не стони, ты не маленький,
Ты не ранен. Ты просто убит.
Дай на память сниму с тебя валенки.
Нам ещё наступать предстоит.*

Имя автора стало известно только через 40 с лишним лет, в 1988 г., после публикации стихотворения в антологии русской поэзии "Строки века". Им оказался Ион Деген, девятнадцатилетний танкист, написавший стихотворение в декабре 1944 г., в перерыве между тяжёлыми боями. Составитель антологии Е. Евтушенко назвал эти восемь строк "гениальными, ошеломляющими по жестокой силе правды", добавив к этому свои четыре строки (правда, по ошибке изменив имя автора):

*Что сделал стих Иосифа Дегена?
Разрезал он острее автогена
все то, что называется войной,
треклятой, грязной, кровной и родной.*

Многие поэты-фронтовики: Б. Слуцкий, А. Межиров, М. Дудин, Е. Винокуров — называли эти строки одним из лучших стихотворений о войне.

Ион родился в 1925 г. Его отец Лазарь Деген участвовал в боевых действиях на русско-японской войне 1905 г. фельдшером, получил два солдатских Георгиевских креста — событие не рядовое для человека мирной профессии, к тому же еврея. Когда Иону было три года, отец умер. Детство мальчика было нелёгким и голодным; в 12 лет он пошёл работать учеником кузнеца.

Война для Иона Дегена началась в г. Могилёв-Подольский после окончания 9-го класса. Шестнадцатилетний юноша вступил в добровольческий истребительный батальон, составленный из учеников 9-х — 10-х классов. Его взвод, в котором было 32 человека, вскоре влился в кадровую роту, где Ион стал пулемётчиком. Тяжёлые потери, дезертирство, нехватка командиров. Через несколько дней боёв от взвода остались трое; Ион был ранен в бедро.

Оказавшись в немецком тылу, 19 дней пробирались к своим, боясь обнаружить себя. Ночью вышли к Днепру и чудом переправились, потеряв друг друга. Придя в себя, Ион услышал немецкую речь. Это был вражеский патруль — немцы были уже на левом берегу. Временами теряя сознание, раненый юноша дошёл до ближайшей хаты, где жила семья Григорук. Его помыли, перевязали и, рискуя жизнью своей семьи, спрятали. Потом передавали с подвода на подводу, из хаты в хату. Ночью, чудом оставшись цел, Ион пересёк линию фронта и попал в полевую госпиталь.

Осмотревший его хирург решил, что рана запущена и ногу надо ампутировать. В 16 с

половиной лет остаться без ноги! Ион категорически отказался от ампутации, старался не спать, чтобы не взяли на операцию. Его отправили в тыл, и в госпитале на Урале ногу спасли. В январе 1942 г. Иона выписали из госпиталя, но в призыве в армию отказали — ему не было и 17 лет.

Тогда он сам отправляется на юг и работает 4 месяца в колхозе. В июле Ион узнал, что недалеко от них стоит на переформировании дивизион бронепоездов, и отправился туда. Командир, вняв его просьбам, нехотя согласился взять парня и предложил ему быть его порученцем, но Ион настоял на зачислении в строй и попал в отделение разведки. Вскоре бронедивизион направился на фронт. За два месяца боёв юноша заслужил уважение взрослых бойцов, добровольцев-сибиряков, был награждён медалью "За отвагу" и стал в семнадцать с небольшим лет командиром отделения разведки.

В середине октября Ион снова ранен, на этот раз — в плечо, грудь и ногу. Почти три месяца в госпитале, потом — танковое училище в Средней Азии. В конце 1943 г. младший лейтенант Деген отправляется на фронт, где началась его удивительная танковая эпопея. Через короткое время он назначается командиром взвода, а затем — всё ещё в звании лейтенанта — командиром танковой роты. За год он получил несколько наград: сначала — вторую медаль "За отвагу" (вместо ордена Красной Звезды, к которому был представлен), затем — орден Красного Знамени и орден Отечественной войны 2-й степени. Один из этих орденов он получил вместо звания Героя Советского Союза, к которому был представлен, но высокому начальству было виднее — строптивого и несдержанного лейтенанта, к тому же еврея, многие недолюбливали.

Свой последний бой лейтенант Деген принял в январе 1945 г. в Восточной Пруссии. За дерзкую боевую операцию командующий 3-м Белорусским фронтом генерал армии Черняховский представил гвардии лейтенанта Дегена к званию Героя Советского Союза. Результат был таким же, как в первый раз: он получил орден Отечественной войны, правда, на этот раз — первой степени.

Вот как описал свой последний бой сам Ион Деген:

"Девятые сутки наступления. Мне 19 лет. Я командир сборной роты. Двенадцать машин — всё, что осталось от нашей танковой бригады, танкеточного полка и полка 152-миллиметровых самоходных орудий. Я приказал: "В атаку". Машины стоят. На шум работающих дизелей немцы открыли бешеный огонь из орудий и минометов. Машины задраены наглухо. Командирам наплевать на мой изысканный мат — единственное средство убеждения, которым я владел в совершенстве. Я скомандовал "За мной!" — надеюсь на то, что эти сукины сыны сдвинутся с места. Не сдвинулись. Я вступил в бой. Мой танк был подбит. Три человека в экипаже и шесть десантников погибли, механик-водитель и я тяжело ранены".

В этом страшном бою Ион выжил чудом. Потерявшего сознание лейтенанта с множественными травмами нашли и доставили в госпиталь. Врачи совершили чудо и вернули его к жизни, но часть ноги пришлось ампутировать. Вот тогда он и решил стать врачом — травматологом.

Всего Деген на фронте перенёс кроме ожога три ранения с множественными травмами (7 пулевых, 4 осколочных в ногу, осколок в мозг, оторванную и раздробленную челюсть). Четыре раза танки, на которых он воевал, были подбиты.

Жизненный опыт этого рано возмужавшего юноши с девятиклассным образованием, прошедшего ад войны в одном из самых опасных родов войск, заключался в трёх страшных годах фронта и лечения в госпиталях.

В перерывах между боями, в немногие минуты отдыха он писал стихи — зачастую не очень совершенные, но всегда очень непосредственные, искренние. Многие из них сгорели в танке, и лишь часть стихов Иону удалось с помощью однополчан по памяти восстановить.

Вот некоторые из них.

*На фронте не сойдёшь с ума едва ли,
Не научившись сразу забывать.*

*Мы из подбитых танков выгребали
Всё, что в могилу можно закопать.
Комбриг уперся пой дбородком в китель.
Я прятал слезы. Хватит. Перестань.*

*А вечером учил меня водитель,
Как правильно танцуют падеспань.*

(Лето 1944 г.)

*Ни плача я не слышал и ни стона.
Над башнями — надгробие огня.
За полчаса не стало батальона,
А я — всё тот же, КЕМ-ТО сохранённый,
Быть может, лишь до завтрашнего дня.*

(Июль 1944 г.)

БАБЬЕ ЛЕТО

*Как трудно обстановку оценить
Солдату, что становится поэтом,
Когда за танком вьётся бабье лето,
Когда горит серебряная нить,
Как дивный хвост приснившейся кометы,*

*И думаешь, что завтра, может быть,
Ты не увидишь нежной паутины,
Кровавых ягод зябнувшей калины,
Что экипажу остаётся жить
До первого снаряда или мины...*

*Я так хочу, чтоб этот ад утих.
Чтоб от чумы очистилась планета,
Чтоб в тишине теплилось бабье лето,
Чтобы снаряды не врывались в стих,
Чтобы рождались не в бою поэты.*

(Сентябрь 1944 г.)

*Есть у моих товарищей танкистов,
Не верящих в святую мощь брони,
Беззвучная молитва атеистов:
— Помилуй, пронеси и сохрани.*

*Стыдись друг друга и себя немного,
Пред боем, как и прежде на Руси,
Безбожники покорно просят Бога:
— Помилуй, сохрани и пронеси.*

(Сентябрь 1944 г.)

ДЕНЬ ЗА ТРИ

*Багряный лист прилипает к башне.
Ручьем за ворот течет вода.
Сегодня так же, как день вчерашний,
Из жизни вычеркнут навсегда.
Изъята из юности.*

*В личном деле
За три обычных его зачтут —
За злость атак,
За дождей недели
И за несбывшуюся мечту
О той единственной,
Ясноглазой,
О сладкой муке тревожных снов,
О ней, не виденной мной ни разу,
Моих не слышавшей лучших слов.
И снова день на войне постылый,
Дающий выслугу мне втрое.*

*Я жив.
Я жду
С неделимой силой
Любви,
Утроенной на войне.*

(Октябрь 1944 г.)

*Туман.
А нам идти в атаку.
Противна водка. Шутка не остра.
Бездомную бродячую собаку
Мы кормим у потухшего костра.
Мы нежность отдаём с неслышимым стоном.
Мы не успели нежностью согреть
Ни наших продолжений нерождённых,
Ни ту, что нынче может овдоветь.
Мы не успели...
День встает над рощей.*

Атаки ждут машины меж берез.
На черных ветках,
Оголенных,
Тощих
Холодные цепочки крупных слез.

(Ноябрь 1944 г.)

Зияет в толстой лобовой броне
Дыра, насквозь прошитая болванкой.
Мы ко всему привыкли на войне.
И все же возле замершего танка
Молю судьбу:
Когда прикажут в бой,
Когда взлетит ракета, смерти сваха,
Не видеть даже в мыслях пред собой
Из этой дырки хлещущего страха.

(Ноябрь 1944 г.)

ЗАТИШЬЕ

Орудия посеребрило инеем.
Под гусеницей золотой ковер.
Дрожит лесов каемка бледно-синяя
Вокруг чужих испуганных озер.

Преступная поверженная Пруссия!
И вдруг покой.
Вокруг такой покой...
Вербка косички распустила русые,
Совсем как дома над моей рекой.

Но я не верю тишине обманчивой,
Которой взвод сегодня оглушен.
Скорей снаряды загружать заканчивай!
Еще покой в паек наш не включен.

(Ноябрь 1944 г.)

Осколками исхлестаны осины.
Снарядами растерзаны снега.
А все-таки в январской яркой сини
Покрывает позолотой облака.

А все-таки не баталист, а лирик
В моей душе, и в сердце, и в мозгу.
Я даже в тесном Т-34
Не восторгаться жизнью не могу.

Так хорошо в день ясный и погожий,
Так много теплой ласки у меня,
Что бархатистой юной женской кожей
Мне кажется шершавая броня.

Чтобы царила доброта на свете,
Чтоб нежности в душе не убывать,
Я еду в бой, запрягав чувства эти,
Безжалостно сжигать и убивать.

И меркнет день. И нет небесной сини.
И неизвестность в логове врага.

Осколками исхлестаны осины.
Снарядами растерзаны снега.

(Январь 1945 г.)

После долгого лечения двадцатилетний Деген получил инвалидность. Вступая в непривычную ему гражданскую жизнь, Ион пытается осмыслить, что он делал, чему научился за четыре года войны:

Я не писал фронтовые стихи
В тихом армейском штабе.
Кровь и безумство военных стихий,
Танки на снежных ухабах
Ритм диктовали.
Врывались в стихи
Рваных шрапнелей медузы.
Смерть караулила встречи мои
С малоприветливой Музой.
Слышал я строф ненаписанных высь,
Танком уютжа траншеи...

(Лето 1945 г.)

Деген сдает экстерном экзамен за 10-й класс, получает аттестат зрелости и поступает в медицинский институт. Во время учебы он, по-видимому, не сталкивался с проявлениями антисемитизма, который впервые после войны вновь стал проявляться в Украине. К прекрасному студенту, бывшему фронтовику в институте относились хорошо, а хулиганские проявления в быту или на улице Деген немедленно жестко пресекал. Не знакомых с его бескомпромиссностью и взрывным характером он неоднократно убеждал в серьезности своих намерений с помощью увесис-

той палки из металлической трубы, на которую прихрамывавший Ион всегда опирался.

Иногда Деген продолжал писать стихи. За написанную на четвертом курсе шуточную поэму под названием "Эмбрионада" он даже получил своеобразный гонорар — пятерку по акушерству и гинекологии фактически без сдачи экзамена. Поэма стала очень популярной, ее цитировали во всех медицинских институтах СССР.

В 1951 г. Ион с отличием оканчивает институт и приступает к осуществлению своей давней мечты стать травматологом. Но это оказывается нелегко — несмотря на право отличника и фронтовика выбирать назначение, прошедшему специализацию на кафедре ортопедии и травматологии Дегену предлагают место терапевта в сельской участковой больнице. Обращение в Министерство здравоохранения Украины ничего не изменяет.

Деген, ставший коммунистом на фронте, не смиряется с этим и едет в Москву, в ЦК ВКП(б). Скорее всего, и это не помогло бы, если бы в бюро пропусков он случайно не попал к офицеру, служившему на фронте в соседней танковой бригаде и узнавшему знакомого ему лихого комвзвода. Однополчанин оформил Иону пропуск к одному из высокопоставленных работников админотдела ЦК, который позвонил в Киев и потребовал восстановить справедливость. После этого Деген был принят в клиническую ординатуру по травматологии, став единственным евреем, зачисленным в ординатуру.

Но на этом неприятности не закончились. Директор института, к которому Ион явился, многопудовый толстяк с заплывшими жиром глазками, спросил: "А чего это Вы с палкой ходите?" — "Ранение" — "При эвакуации или баловство какое?" — "Нет, в танке, во время атаки". — "На фронте? И у вас такая куча орденов? Говорят, их можно купить в Ташкенте".

Деген вспылал, шагнул к директору, прислонил к столу палку, схватил его левой рукой за рубашку на груди, а правой изо всех сил ударил в лицо: "Я покажу тебе, падло, где и как покупаются ордена!"

После этого Ион немедленно поехал к замминистра по кадрам, который совсем недавно выполнял указание из Москвы о нем, и рассказал ему о произошедшем. Дело замяли.

Потом были хорошая клиническая школа, замечательные учителя, много сотен операций. Так приобретался бесценный опыт хирурга-травматолога. В 1959 г. Деген первым в СССР (по другим сведениям — первым в мире) успешно провел реплантацию отрезанного на производстве предплечья киевскому рабочему Уйцеховскому. В 1965 г. он защищается в Москве (не в Киеве!), в Центральном институте травматологии и ортопедии, кандидатскую диссертацию, в 1973 г. там же — докторскую: первую в СССР работу по применению магнитотерапии при лечении последствий травм. Деген — автор в общей сложности более 90 научных работ, руководитель восьми кандидатских и двух докторских диссертаций. Основная часть этого огромного труда была совершена, когда Ион работал не в институте, откуда ему пришлось уйти еще в 1954 г., а служил рядовым врачом в городских больницах Киева!

Как основоположник применения магнитотерапии, Деген получал приглашения на многие конференции и симпозиумы. Внутри Союза ему удавалось участвовать во многих из них, а на международные выезжать не давали.

Через много лет на конференции в Бразилии один из иностранных коллег, познакомившись с Дегеном, спросил у него: "А как же Вы прилетели? Ведь когда Вас пригласили в 1975 г. на симпозиум в Японии, ваше Минис-

терство ответило, что Вы не летаете из-за осколка в мозге".

Наконец, терпение Дегена закончилось, и в 1977 г. он с женой (архитектором) и сыном (физиком-теоретиком) уезжает в Израиль. Там поначалу всё было непросто — в 52 года нелегко было оказаться в непривычной обстановке. Но Деген смог освоиться, изучил совершенно новый язык, со временем начал работать по специальности и стал профессором, одним из ведущих ортопедов-травматологов Израиля, продолжал научную работу, публиковал статьи.

Не забыта в Израиле и боевая слава Дегена. Он стал единственным советским танкистом, принятым в Общество израильских танкистов, отмеченных за героизм. Этому способствовало и то, что в списке советских танковых асов Ион Деген занимает почетное десятое место: на его боевом счету — 16 подбитых танков и один захваченный, много орудий и другой военной техники.

На фотографии Иона Лазаревича я насчитал более тридцати боевых наград. Кроме пяти советских орденов и двух медалей "За отвагу" на груди Дегена — самый главный польский военный орден "Виртути милитари" и польский Крест Грюневальда 1-й степени, которыми он очень дорожит, другие ордена и множество разных медалей. Имя Иона Дегена занесено в энциклопедию.

Параллельно с интенсивной врачебной работой Деген увлеченно занимается литературой. Он продолжает писать стихи, рассказы, очерки, эссе и публикует их и сборники стихов в журналах Израиля, России, Украины, Австралии, США. После окончания врачебной деятельности Деген занялся и более серьезными литературными формами. В общей сложности он издал 13 книг воспоминаний, рассказов и стихов, а также фундаментальную монографию "Магнитотерапия".

Одна из интереснейших книг Дегена — серьезное и обширное исследование жизни и деятельности Иммануила Великовского, автора парадоксальных теорий, на основе которых было сделано несколько предсказанных им фундаментальных открытий. Великовский, уроженец Витебска, эмигрировавший в Израиль врач, успешно занимался там медицинской практикой, а затем увлекся совершенно новыми для себя областями знаний. Он высказал неожиданные взгляды по истории, астрономии, эволюции планеты Земля, был близко знаком с Альбертом Эйнштейном и серьезно обсуждал с ним и другими корифеями разных областей науки свои неожиданные теории.

Ион Деген основательно изучил книги Великовского "Века в хаосе", "Миры в столкновениях", "Земля в переворотках" и изложил в доступной широкому читателю форме основные положения изложенных в них теорий. И это делал человек (как и сам Великовский) с медицинским образованием, не имевший профессионально ничего общего с предметом своего нового интереса. Какую широту мышления, какой живой ум и необыкновенный интерес к новым знаниям нужно было иметь для этого! А ведь уже тогда Дегену было далеко за семьдесят. Сейчас этому замечательному человеку 89 лет. Он продолжает жить интересной и по возможности активной жизнью, пишет, общается с людьми.

Ион Деген — уникальная личность, человек, на долю которого выпали нечеловеческие испытания. Мало кому удалось в течение всей жизни так ярко проявлять себя в самых разных качествах — и как воин, и как врач и учёный, и как поэт и литератор. Ему невозможно подражать — им надо быть!

